рец был при Владимире неотлучно во время его болезни и потому так обстоятельно и описал его жизнь со дня на день, с часу на час. Он присутствовал при его последних приемах, о которых и сообщил с такими мелкими подробностями».[20] Гипотезе М. С. Грушевского нельзя отказать в остроумии, но вероятность ее все же очень сомнительна. Трудно допустить, что писец Федорец писал сам о себе в третьем лице: это было совсем не свойственно древнерусским книжникам. По тем же причинам решительное сомнение вызывает и догадка В. Т. Пашуто, что автором летописи («летописей» Владимира Васильковича и Мстислава Даниловича) был владимирский епископ Евстигней. Если автора непременно искать среди упоминающихся в летописи духовных лиц из окружения Владимира, то с равным основанием можно предположить, что автором летописи был другой епископ — Марк, которого князь Владимир Василькович оставил вместо себя во Владимире, когда принял решение уехать в Любомль (стр. 592), или тот «отец духовный», у которого Владимир накануне смерти причащался (стр. 602).

Об авторе Волынской летописи уверенно сказать можно только то, что он был горячим сторонником князя Владимира Васильковича, был в курсе всех событий его княжения и лично его знал, что человек он был начитанный, хорошо усвоивший практику и традиции летописного дела, — видимо, местный монах или священник.

Какими документальными источниками пользовался волынский летописец, составляя свой труд?

По-видимому, их было немного. В основном летопись была написана частью по памяти (она охватывает период времени всего за тридцать лет — с 1259 по 1290 г.), частью со слов «самовидцев» (см. стр. 587; ср. стр. 590). Точное перечисление имен послов, воевод и проч. наводит на мысль, что автор пользовался и какими-то краткими записями — «памятками». В руках его было и два подлинных документа: завещание («рукописание») князя Владимира Васильковича (стр. 594—595) и уставная грамота Мстислава Даниловича берестянам (стр. 613).

По предположению В. Т. Пашуто, волынский летописец имел и еще некоторые источники: «антитатарскую обличительную повесть», как называет ее исследователь, «летопись литовскую», особую повесть о «судомирском взятии», две «героические» повести о Рахе Михайловиче и Тите, ряд грамот и посольских донесений. Предположение это, однако, принято быть не может, так как В. Т. Пашуто обосновать его в должной мере не удалось.

«Антитатарская обличительная повесть» была, по утверждению В. Т. Пашуто, посвящена событиям 1285—1287 гг. и состояла, собственно, из трех рассказов: о походе Телебуги и Ногая в Венгрию, о походе Телебуги и Ногая на Польшу в 1286 г., о новом походе Телебуги и Алгуя на Польшу в 1287 г. В тексте Волынской летописи повествование об этих походах перебито другими известиями: о походе Льва Даниловича и Владимира Васильковича в 1286 г. на Болеслава Польского (о погроме ими околиц Вышгорода и Люблина), о победе берестян над поляками в 1280 г., о совместном походе Руси и Литвы на Сохачев, а также рядом других сообщений. Прием, при помощи которого В. Т. Пашуто реконструирует «повесть», очень прост: из «татарских» рассказов летописи устраняется все, что перебивает «татарскую» тему.[21] Установленные в результате этой операции части текста объявляются «фрагментами» не дошедшей до нас «антитатарской повести», все остальное — записями «княжеской летописи». Причем не ясно, какими соображениями руководствовался исследователь, отме-

[20] М. Грушевський. Історія української літератури, стр. 202.
[21] В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 110—112.